

С.Л. Лопатина, В.В. Костенко, Э.Д. Понарин

ДЕЛО НЕ В ИСЛАМЕ: ОТНОШЕНИЕ К АБОРТАМ, РАЗВОДАМ И ДОБРАЧНОМУ СЕКСУ В ДЕВЯТИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье анализируется отношение граждан девяти постсоветских стран к проблемам абортов, разводов и добрачных связей на материале шестой волны опроса «Всемирное исследование ценностей» за 2012–2014 гг. по Азербайджану, Армении, Грузии, Беларуси, Казахстану, Кыргызстану, России, Узбекистану и Украине. Используя анализ латентных классов и регрессионное моделирование, мы показываем, что самые значимые различия наблюдаются между странами, и влияние ислама на традиционность общества в отношении абортов, разводов и добрачного секса меньше, чем влияние религиозности. Например, в преимущественно мусульманском, но довольно светском Казахстане отношение к этим вопросам значительно менее жесткое, чем у населения христианской и очень религиозной Армении.

Ключевые слова: модернизация, Средняя Азия, Кавказ, постсоветские страны, семейные ценности, аборты, разводы, патриархальные ценности, религиозность, ислам.

1. Введение

В данной статье исследуются вопросы допустимости абортов, разводов и добрачных сексуальных связей* в девяти постсоветских странах: это Казах-

* Следует отметить, что в данном исследовании речь не идет о поддержке абортов, разводов и сексуальной свободы, а о допустимости таких практик в определенных жизненных обстоятельствах, об отказе от категорического их осуждения.

Лопатина Софья Леонидовна — магистр, Европейский университет в Санкт-Петербурге (slopatina@eu.spb.ru)

Sofia Lopatina — Master student at the European University at St. Petersburg (slopatina@eu.spb.ru)

Костенко Вероника Викторовна — научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) (vvkostenko@hse.ru)

Veronica Kostenko — research fellow at the Laboratory for Comparative Social Research, NRU HSE, lecturer at the Department of Sociology, NRU HSE — Saint-Petersburg (vvkostenko@hse.ru)

Понарин Эдуард Дмитриевич — Ph. D., ординарный профессор НИУ ВШЭ, зав. Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, руководитель департамента социологии НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) (eponarin@hse.ru)

Eduard Ponarin — Ph.D. (Sociology), tenured professor NRU HSE, Director, Laboratory for Comparative Social Research NRU HSE; Chair, Department of Sociology, NRU HSE (St. Petersburg, Russia) (eponarin@hse.ru)

стан, Кыргызстан и Узбекистан в Средней Азии, Азербайджан, Грузия и Армения на Кавказе, а также Беларусь, Россия и Украина. Эти вопросы наравне с отношением к проституции и гомосексуальности часто называют показателями сексуальной либерализации (Inglehart, Norris 2003). Инглхарт и Норрис показывают, что существует сильная корреляция между отношением к этим проблемам и гендерным равенством.

Другие исследователи называют эти вопросы «ценностями выбора», поскольку они помогают измерить, насколько в том или ином обществе приняты контроль над рождаемостью, разрыв неудовлетворительных брачных отношений, а также сексуальная свобода (Welzel 2013: 129). Э. Александер показывает, что в последние годы эмансипация достигла того рубежа, который до этого строго охранялся религией и традицией, а именно вопросов о свободе выбора в интимной сфере, контроля над своим телом и сексуальностью. Она демонстрирует, что сексуальная либерализация происходит во всем мире, однако в тех странах, где уровень религиозности высок, свобода выбора в интимной сфере очень ограничена (Alexander и др. 2015).

Общества, включенные в выборку, объединены советским прошлым, что не могло не повлиять на нормы и ценности людей, в них живущих. Советский проект был связан с модернизацией и борьбой с религией, что привело к распространению идей «советской семьи» и снижению рождаемости, особенно в регионах, наиболее интегрированных в советскую действительность. После распада СССР в каждой стране сложилось собственное отношение к вопросам семьи, положения женщин, допустимости того или иного поведения, что связано как с историей, культурой и религией этих обществ, так и с их экономическим положением.

Набор стран в базе данных позволяет противопоставить их по нескольким критериям (см. Приложение, табл. 1). Армения, Беларусь, Грузия, Россия и Украина — это государства с исторически христианским населением, а другие четыре страны — исторически мусульманские. С другой стороны, степень секуляризации этих обществ очень различается. Беларусь, Казахстан, Россия и Украина — это более светские государства, тогда как в Азербайджане, Армении, Грузии, Кыргызстане и Узбекистане религия продолжает играть значительную роль.

С экономической точки зрения, Азербайджан, Казахстан и Россия относительно успешно встроились в мировой рынок, особенно сырьевой, что привело к значительному росту ВВП этих стран в начале XXI в. В государствах, не столь богатых ресурсами, значительная часть населения столкнулась с бедностью и нехваткой самого необходимого. Из исследований известно, что высокая религиозность в стране обычно связана с низким ВВП на душу населения (Norris, Inglehart 2011), однако в нашей выборке есть два исключения из этой общемировой закономерности. Украина — это секулярное общество с низким ВВП, а Азербайджан, будучи страной с довольно высоким ВВП, демонстрирует высокую религиозность общества.

Мы полагаем, что противопоставление религиозного и светского дает больше для понимания различий в стилях жизни и приемлемости сексуальной свободы, чем часто встречающаяся дихотомия «ислам — христианство».

2. Теоретическая рамка и обзор литературы

Гендерная теория основана на конструктивистском представлении о том, что гендер — достигаемый социальный статус. Как утверждает Елена Здравомыслова, гендерный порядок «закреплен в исторически заданных образцах властных отношений между мужчинами и женщинами» (Здравомыслова, Темкина 2003).

2.1. Модернизация и гендерный порядок в глобальной перспективе

Гендерный порядок меняется с патриархального на более эгалитарный в большинстве обществ, и этот процесс, происходивший в течение всего XX в., зачастую связывают с модернизацией (Inglehart, Norris 2003). Ключевые процессы модернизации, такие как урбанизация, профессиональная специализация, индустриализация, секуляризация и распространение высшего образования, неизменно сопровождаются изменением ценностей, и, в частности, представлений о гендерных ролях и устройстве семьи. Традиционные роли мужчины-добытчика и женщины-домохозяйки постепенно сдвигаются в сторону большего равенства как на рынке труда, так и в семейной жизни. В результате модернизации достигается большее равенство полов, а границы сексуальной нормы и допустимого семейного поведения расширяются (Inglehart 1997; Welzel 2013).

Согласно пересмотренной теории модернизации и результатам кросс-культурных исследований ценностей, представление о равноправии полов и либерализация семейных и сексуальных норм на индивидуальном уровне связаны с молодым возрастом, женским полом, высшим образованием, финансовой состоятельностью и низкой религиозностью (Inglehart, Welzel 2005). На межстрановом уровне более эгалитарные ценности демонстрируют люди, выросшие в экономически благополучных и политически стабильных обществах. Соответственно, жители менее богатых стран, особенно прошедшие через различные катаклизмы, чаще демонстрируют ценности выживания, а значит, поддерживают патриархальную семью. Однако Кейт Янг на примере Мексики показывает, что изменение экономического контекста может привести к непредсказуемым изменениям гендерных паттернов как в сторону большего равенства, так и в сторону ухудшения положения женщин (Young 2013).

В постиндустриальных странах модернизационные процессы начались раньше и уже привели к тому, что женщины и мужчины равноправны в большинстве сфер жизни. Во многих индустриальных и аграрных обществах ситуация также меняется, однако скорость этих изменений значительно ниже (Inglehart, Norris 2003). Хотя потребность в свободе и равенстве может появиться в обществе вне зависимости от его культурного наследия, исследователи отмечают ряд закономерностей, касающихся связи религии и культуры страны и принятого гендерного порядка. Так, в исторически протестантских обществах наблюдается наиболее быстрое движение в сторону гендерного эгалитаризма, а православные страны несколько более патриархальны (Steel, Kabashima 2008). Однако самой консервативной группой оказываются исламские общества. Степень религиозности также имеет дополнительный эффект: в секу-

лярных обществах приемлемость нетрадиционных гендерных ролей, а также аборт и разводов выше, чем в религиозных*.

Как отмечает Ш. Айзенштадт в своей работе «Множественные модерности» («Multiple Modernities»), после распада крупных империй, и Советского Союза в частности, образовавшиеся общности формируют свои идентичности через поиск этнического, религиозного, локального или транснационального единства. Многие попытки этих обществ конституировать культуру, в том числе и через отрицание условного Запада, и через «воссоздание традиционного» в культуре, семейной жизни и публичном дискурсе, по сути своей глубоко модерна (Eisenstadt 2000). Эта теория может объяснить консервативный поворот, наблюдаемый в части постсоветских обществ.

2.2. Ислам и гендерное равенство

Существует высокая корреляция между гендерным равноправием и ВВП или его социальным аналогом — индексом человеческого развития (см. рис. 1). Однако есть группа стран, резко отличающаяся от данного прогноза, — это мусульманские общества. Страны Персидского залива показывают, что богатство не обязательно дает прирост равенства. Литература по этому вопросу делится на два основных блока.

Большой корпус литературы показывает, что исламский культурный и религиозный контекст является мощным препятствием на пути к гендерному равенству (Cooke 2000; Spierings, Smits, Verloo 2009; Alexander, Welzel 2011). Инглхарт и Норрис обнаруживают, контролируя по полу, возрасту, уровню образования и дохода, что мусульмане более склонны к патриархальным представлениям, чем представители других религий и атеисты (Inglehart, Norris 2003: 71). В другой работе те же авторы утверждают, что уровень религиозности связан с более консервативными, патриархальными взглядами во всех областях жизни вне зависимости от вероисповедания (Norris, Inglehart 2011). Александер и Вельцель также доказывают, что ислам является стабильным предиктором поддержки патриархальных ценностей, что проявляется в разных социальных условиях (Alexander, Welzel 2011).

Другие авторы делают акцент на институциональных, а не на культурных причинах ограниченности прав женщин в мусульманских обществах. Так, Спирингс и соавторы подробно изучают вовлеченность мусульманок в рынок труда (Spierings, Smits, Verloo 2009; Spierings, Smits, Verloo 2010). Они показывают, что трудоустройство женщин в неаграрных секторах экономик этих стран

* По результатам Инглхарта и Норрис на данных «Всемирного исследования ценностей» с 1995 по 2001 г., средний уровень поддержки гендерного равноправия по стобалльной шкале для секулярных стран — 70, для религиозных — 65. Для сравнения, в протестантских и католических обществах в среднем поддерживают гендерное равноправие на 71 балл из 100, в православных — на 63, в мусульманских — на 57. При этом в постиндустриальных обществах происходит быстрое движение к большей поддержке равноправия полов, в индустриальных оно идет медленнее, а в аграрных эта тенденция очень слаба или не прослеживается (Inglehart, Norris 2003: 66).

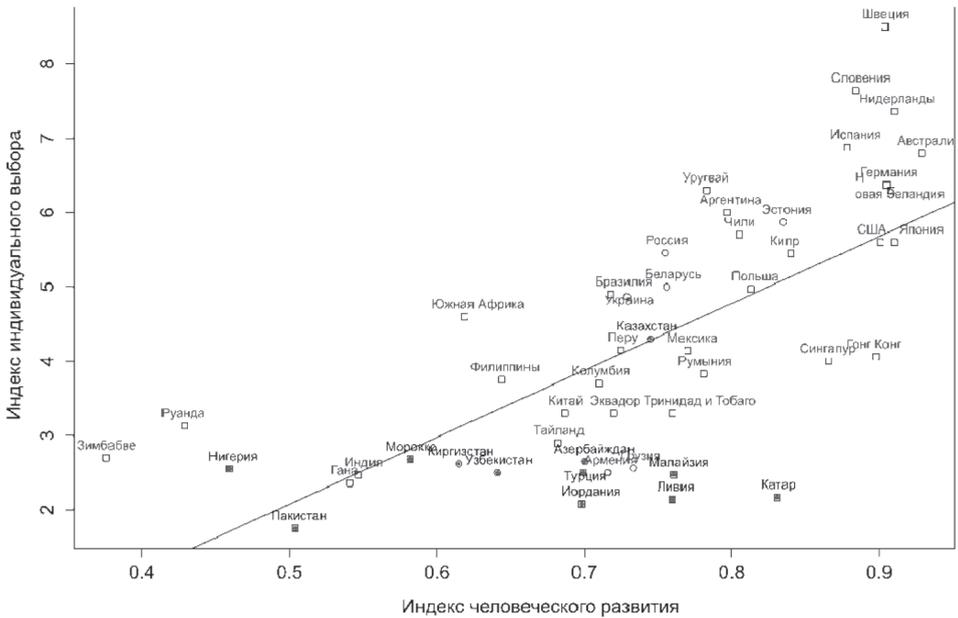

Рис. 1. Связь индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) и индекса индивидуального выбора*

не связано с уровнем демократии или с религиозными предписаниями. Оно зависит от уровня экономического развития и от культурного наследия. Майкл Росс утверждает, что влияние ислама так такового на формирование патриархальных норм сильно преувеличено (Ross 2008). Он объясняет феномен стран Персидского залива через «ресурсное проклятие», устройство экономики, ориентированной на экспорт углеводородов.

Мусульманские феминистки, например, Валентин Могадам, в ряде работ доказывают, что представление о женщинах в исламе как об угнетенных и не имеющих никаких прав людям, серьезно устарело. Могадам утверждает, что этот дискурс связан с колониальным сознанием, не учитывает последних изменений и исключает самих женщин из борьбы за свои права, в то время как во многих странах, например в Марокко и Тунисе, они уже привели к значительным структурным изменениям, например, большему представительству в парламентах (Moghadam 1999; Moghadam 2010).

2.3. Положение женщин в СССР

Революция 1917 г. радикально изменила положение женщин. В 1920-е гг. Советский Союз был государством с одной из самых либеральных гендерных моделей в мире, доминировал дискурс политической мобилизации женщин, а государство продвигало идеологию свободных отношений между полами (Фицпатрик 2008). Отрицание традиционных гендерных ролей, однако, опере-

* Кружками отмечены постсоциалистические страны, цветные квадраты и круги обозначают страны, где большинство населения исповедует ислам.

дило свое время, и полноценный общественный запрос на либерализацию этой части жизни еще не сформировался.

В 1930-е гг. произошел откат к патриархальному гендерному контракту, а материнство стало объектом государственной заботы. Шейла Фитцпатрик подчеркивает противоречивый и дискриминирующий характер советской семейной политики, установившейся в 1930-е гг. и продержавшейся до распада СССР. С одной стороны, она характеризовалась сильной поддержкой женщин как жен и матерей и дискриминацией мужчин в сфере семьи (Фитцпатрик 2008). С другой стороны, запрет аборт привел к их криминализации, а отсутствие контрацепции — к их неизбежности. Советская политика в сфере гендерных отношений сопровождалась исключением определенных тем из публичного дискурса, например, проблем сексуальности (Кон 1997; Чуйкина 2002). Ответственность за детей, их воспитание и здоровье, возлагалась исключительно на женщин, несмотря на то, что работали они в основном полный рабочий день.

В мусульманских советских республиках в 1920–1930-е гг. советская власть проводила массовую антирелигиозную и просветительскую кампанию, пропагандируя если не равенство полов, то хотя бы расширение возможностей для женщин, а также запрет на наиболее одиозные практики, например, многоженство и кражу невест (Olcott 1982). При этом патриархальная мусульманская семья, обычно многодетная, объявлялась пережитком прошлого. Масселл утверждает, что в то время считалось крайне важным дать женщинам образование, чтобы они воспитывали детей советскими людьми (Massell 2015 [1974]: 93–128).

Идеологическое давление сопровождалось осязаемой модернизацией, что заставляло многих людей поддерживать советские начинания. Так, при СССР появилось обязательное среднее образование как для мальчиков, так и для девочек, а также повсеместный доступ к медицинской помощи и чистой воде (Ro'i 1991). Положение женщин действительно изменилось, был разрешен развод, и он стал эффективной стратегией выхода из брака по сговору, были обеспечены безопасные роды. Образование и вовлечение женщин в рынок труда привели к уменьшению количества детей.

Для многих женщин в мусульманских обществах советские трансформации были болезненны. Келлер показывает на примере узбекских женщин, что попытка подстроиться как под требования государства, так и под ожидания более консервативной части общества приводила многих из них к тяжелым последствиям. Религиозные традиции публично высмеивались, что нередко вызывало гнев верующих, который часто был обращен не на новые власти, а на тех, кого предполагалось «освободить» (только в 1928 г. в Узбекистане из-за этого было убито 270 женщин) (Keller 1998). Однако с течением времени родовая система взаимозависимостей, особенно в сельских районах, оказалась подорвана, стало появляться все больше нуклеарных семей, и крайне подчиненное положение молодой женщины сменилось общим для СССР контрактом работающей матери. Уже через поколение строгое следование религиозным предписаниям сменилось на более светский модус поведения, когда единицы продолжали тайно следовать всем канонам, а большинство сохранило только основные внешние формы религиозности.

Несмотря на права избирать и быть избранной, работать на любых позициях и самостоятельно принимать решения о разводе, советские женщины продолжали «испытывать дискриминацию долгое время после того, как формальное равенство было зафиксировано в законе». Как отмечает Вельцель, «формальное наличие прав не приводит к их эффективному использованию, если их появлению не предшествует соответствующее изменение ценностей и женщины продолжают верить, что они в чем-то хуже мужчин» (Welzel 2013: 281).

Изменения в установившихся гендерных контрактах стали происходить в связи с ухудшением экономической ситуации, начавшимся в 1980-е гг. Распад СССР усугубил ситуацию. Быстро сокращавшиеся постсоветские экономики все меньше нуждались в кадрах, что ударило по женщинам в большей степени, чем по мужчинам (Айвазова 1998: 100–118; Римашевская 1997). В публичном дискурсе женщинам все чаще стала отводиться роль матерей и жен и подчеркиваться важность семьи и «традиционных» (т. е. патриархальных) ценностей (Rotkirch, Temkina, Zdravomyslova 2007).

2.4. Вопросы гендерного равенства после распада СССР

Исследования показывают, что семейные и сексуальные практики претерпели значительные изменения после распада Советского Союза, причем эти процессы сильно отличаются от страны к стране. Что касается современной России, то некоторые авторы утверждают, что наблюдается стремление к восстановлению советского гендерного порядка (Mahon, Williams 2007; Темкина, Роткирх 2002). Анна Темкина и Елена Здравомыслова в анализе речи президента о проблемах семьи в 2006 г. отмечают, что в ее основе лежит идеал советской семьи, где женщина играет роль работающей матери, а родительство понимается в первую очередь как материнство (Rotkirch, Temkina, Zdravomyslova 2007: 353).

В Беларуси и на Украине процесс национального строительства, который обычно сопровождается усилением консервативных тенденций и апелляцией к традиционности (Greenfeld 1992), не привел к архаизации взглядов на семейное и сексуальное поведение. Белорусские исследователи, однако, показывают, что государственная политика направлена на продвижение идеи большой семьи (выплаты за детей, дискурс в прессе), а домашнее насилие остается проблемой, с которой сталкиваются около 75 % женщин (Piatrukovich 2015). Несмотря на то, что советская модернизация обществ Средней Азии и Кавказа очевидна, патриархальность гендерных отношений в этих регионах не была разрушена. Анна Темкина исследовала гендерные порядки в постсоветской Армении и пришла к выводу, что модернизация в публичной сфере не сказалась на крайне консервативных семейных ценностях, принятых в этой стране (Темкина 2005). Это общество поддерживает необычайно высокий уровень религиозности, что увеличивает приемлемость консервативных гендерных контрактов (Norris, Inglehart 2011). Особенно большое значение в Армении имеет добрачная девственность (Темкина 2010). Одновременно с декларируемыми консервативными взглядами, в формировании которых большую роль играет Армянская апостольская церковь, насилие и принуждение в отношении неодобряемых практик встречается редко (Микаэлян 2014: 221).

В Азербайджане наблюдается возрождение исламской религиозности, что выражается, например, в растущей популярности хиджабов — женских головных уборов. Хотя, как утверждает Хейят, и в советские времена доминирование мужчин и строгое соблюдение норм морали женщинами оставались в центре азербайджанской идентичности, в последние 20 лет этот дискурс значительно усилился (Heyat 2008). В то же время она показывает, что современная тенденция к ношению хиджаба на самом деле является знаком растущего равноправия полов, поскольку женщины в головном уборе вызывают больше уважения среди мужчин, защищены от сексуальных намеков или посягательств, что дает им большую мобильность и независимость (от родителей и мужей).

В Грузии в приватной сфере сохраняются крайне консервативные аттитюды, особенно это касается вопроса добрачной девственности, причем в сельской местности и небольших городах нравы строже, чем в Тбилиси. В то же время экономические трудности привели к тому, что женщина на рынке труда воспринимается нормально, в том числе на руководящих позициях в бизнесе и в политике (Naskidashvili 2011).

В Средней Азии после распада Советского Союза идеологический вакуум стал заполняться новыми манифестациями исламской религиозности (Абашин 2011: 199), причем зачастую речь идет о заимствованиях из арабо-мусульманских обществ. Хейят показывает, что в досоветском Кыргызстане ислам не был так прочно укоренен, как в Узбекистане и Азербайджане, что связано с кочевым образом жизни (Heyat 2004). В постсоветский период в Кыргызстане появился собственный муфтият, стали открываться религиозные школы, завозиться исламская литература, количество мечетей за первые 10 лет независимости выросло в 50 раз. Эти процессы спонсировались государствами Персидского залива, что способствовало проникновению более ортодоксальной версии ислама (Heyat 2004: 276). На фоне усилившейся бедности, беспорядков и «падения нравов» ислам оказался для многих людей, особенно на более религиозном юге страны, единственным способом восстановить ощущение нормальной жизни. При этом та версия ислама, которая пропагандируется в стране (в том числе через систему кружков для женщин), ставит женщину в подчиненное положение.

Можно отметить два направления изменений в Средней Азии. С одной стороны, патриархальный гендерный порядок теряет легитимность. Эта тенденция поддерживается советским наследием и продолжающейся модернизацией. С другой, женщины подвергаются сильному давлению общества, если не соблюдают традиционные нормы в семейной и сексуальной жизни. Как показывает Адиб Халид, «данные ценности [...] четко отражают местные патриархальные структуры, которые не порождены, а поддержаны исламом» (Халид 2010). Отказ от их соблюдения может привести к невозможности выйти замуж и сказаться на репутации всего рода. Отношение к вопросам гендерного порядка в семье зависит от образования, социального окружения, но, согласно исследованиям А. Темкиной, не связано с возрастом (Темкина 2005). Другими словами, не наблюдается межпоколенческой либерализации взглядов, которая происходит в большинстве стран мира.

3. Гипотезы

Центральный вопрос данной работы можно сформулировать следующим образом: что оказывает большее влияние на формирование нетерпимого отношения к абортам, разводам и добрачному сексу на постсоветском пространстве, ислам или религиозность?

Как показывают предыдущие исследования, исламская культурная и религиозная традиция связана с консервативным отношением к сексуальному и семейному поведению, поэтому мы можем ожидать более радикальных взглядов на абORTы, разводы и добрачный секс в странах с преимущественно мусульманским населением. С другой стороны, альтернативной гипотезой может быть то, что влияние уровня религиозности в изучаемом регионе окажется выше, чем роль ислама, поскольку само по себе вероисповедание после 70 лет советского атеизма могло остаться формой общественной жизни, не несущей реальной ценностной нагрузки. Кроме того, ряд исследователей показывает, что вовлеченность женщин в рынок труда снимает консервативный эффект исламского вероисповедания (Fortin 2005; Spierings, Smits, Verloo 2010).

4. Методы и материалы исследования

Мы используем данные шестой волны проекта «Всемирное исследование ценностей», чтобы проанализировать основные предикторы восприятия абORTов, разводов и добрачного секса в девяти странах постсоветского пространства. Применяется многомерный статистический анализ вторичных данных. После исключения пропущенных значений число наблюдений составляет 8951 в девяти странах.

Зависимой переменной является индекс «индивидуального выбора». Мы используем три измерения для конструирования индекса: допустимость абORTов, разводов и добрачного секса. Этот индекс похож на «индекс ценностей выбора», разработанный К. Вельцелем (Welzel 2013: 67), но несколько модифицирован, поскольку в нескольких обществах вопросы о допустимости гомосексуальности и проституции настолько нормативны, что по ним отсутствует вариация. В результате, индекс состоит из ответов на вопросы «Считаете ли вы допустимым аборт», «...развод», «...секс до брака», распределенных от 1 до 10, где 1 соответствует полной недопустимости для респондента, а 10 — допустимости в любой ситуации. Конфирматорный факторный анализ показывает, что эти переменные принадлежат одному латентному фактору. Альфа Кронбаха для индекса составляет 0.811, что говорит о его высокой консистентности. Общее среднее для этой агрегированной переменной составляет 0.3, стандартное отклонение — 0.26. Это значит, что большинство людей в изучаемых обществах придерживаются довольно консервативных взглядов относительно допустимости абORTов, разводов и добрачного секса (см. Приложение, табл. 1).

В качестве независимых переменных мы использовали такие показатели, как религиозность («Насколько важен Бог в Вашей жизни?»), семейное положение и размер поселения, а также контролировали по полу, возрасту, типу занятости, субъективно воспринимаемому доходу и наличию высшего образования.

5. Анализ данных

5.1. Анализ латентных классов

Зависимая переменная — индекс «индивидуального выбора». Распределение зависимой переменной ненормально и смещено влево. Мы провели анализ латентных классов, поскольку предполагаем, что такое распределение может свидетельствовать о существовании нескольких субпопуляций в выборке, которые демонстрируют различные установки в отношении аборт, разводов и добрачного секса (Hagenaars, McCutcheon 2002: 64–78). Анализ латентных классов был применен к каждой стране, а также отдельно к выборке мусульман Казахстана (Nylund, Asparouhov, Muthén 2007). Мы использовали пакет *roLCA* в среде R (Linzer, Lewis 2011) (см. Приложение, табл. 2).

В «либеральном» кластере, а именно, в Беларуси, Казахстане, России и Украине мы обнаружили три группы, которые условно можно назвать консерваторами, умеренными и либералами. В этих странах умеренные составляют примерно половину всех респондентов, либералы — около 30 %, консерваторы — около 20 %. Казахстан здесь требует дополнительного внимания, т. к. это мусульманское общество, но при этом достаточно либеральное в отношении сексуальных и семейных ценностей. Вероятности принадлежности к крайне консервативному и к либеральному кластеру в Казахстане почти равны и составляют 26–28 %. Если рассматривать только мусульман Казахстана, то крайних консерваторов из них 35 %, а умеренных — 65 %.

В Азербайджане и Армении, Грузии, Кыргызстане и Узбекистане мы наблюдаем по два кластера. В этих странах большинство составляют крайние консерваторы (их количество достигает 60 %), а также присутствует значительная доля тех, кто придерживается умеренных взглядов (от 40 до 53 %), либеральные взгляды не представлены вовсе. Армения является одним из наиболее консервативных обществ в выборке, особенно в отношении вопроса о сексе до брака, где практически нет вариации (см. Приложение, табл. 2).

5.2. Регрессионное моделирование

Регрессионное моделирование проводится в два этапа. Сначала применяется бинарная логистическая регрессия, позволяющая определить характеристики крайних консерваторов (Olsen, Schafer 2001). Для остальных респондентов, чьи ответы не равны 1 («абсолютно недопустимо»), применяется метод гамма-регрессии, наилучшим образом подходящий для ненормального распределения того типа, которое наблюдается в данных (Gelman, Hill 2006). Регрессионные модели представлены в двух вариантах: с кластеризованными стандартными ошибками и с бинарными переменными для стран.

5.2.1. Бинарная логистическая регрессия

Для первого этапа индекс «индивидуального выбора» перекодирован в бинарную переменную, где первая категория включает только крайних консерваторов (0), а вторая — всех остальных (1). Мы считаем крайними консерваторами тех, кто ни при каких обстоятельствах не приемлют аборт, разводы и секс до брака и на все эти вопросы дают ответ 1 из 10 (см. Приложение, табл. 3).

С большей вероятностью крайне консервативные взгляды демонстрируют мужчины, люди без высшего образования, проживающие в сельской местности, религиозные люди, люди, имеющие более одного ребенка, женатые, одинокие или вдовы. Положение на рынке труда также является предиктором крайне консервативных взглядов: безработные и домохозяйки чаще склонны демонстрировать крайнюю нетерпимость к абортам, разводам и добрачному сексу, чем работающие, студенты и пенсионеры (см. Приложение, табл. 3).

Возраст и доход связаны с зависимой переменной нелинейно, т. е. люди среднего возраста (см. рис. 2) и дохода наименее склонны к крайне консервативным взглядам на аборты, разводы и добрачный секс.

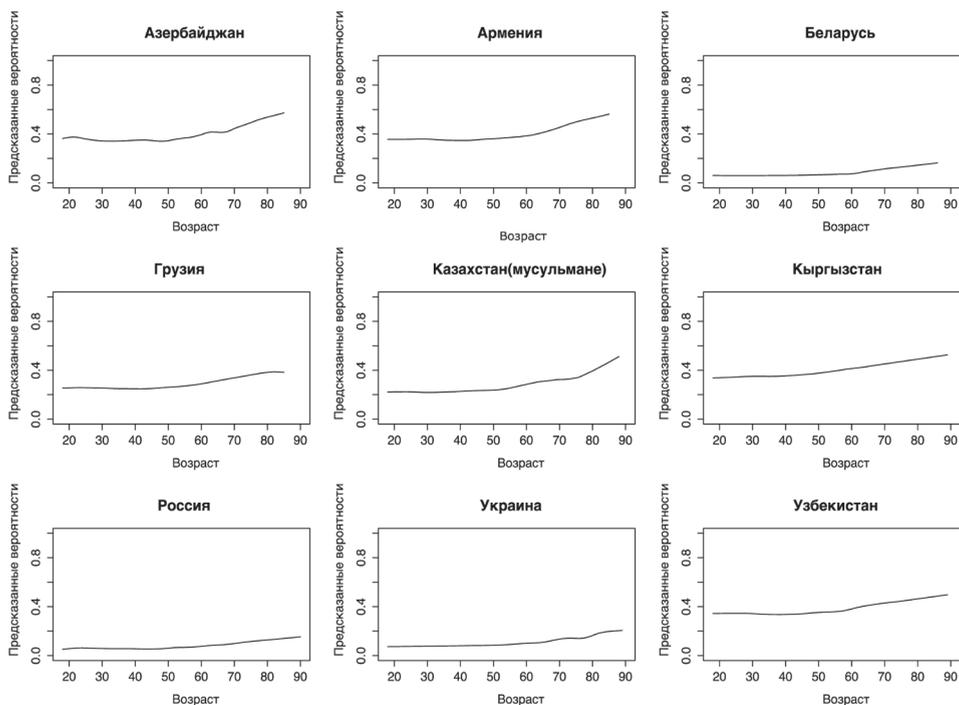

Рис. 2. Предсказанные вероятности консервативных взглядов по отношению к абортам, разводам и добрачному сексу в 9 постсоветских странах в зависимости от возраста (для логистической регрессии)*

* Казахстан является многоконфессиональным обществом, где большинство населения составляют мусульмане. Вторая по численности религиозная группа — православные. Поэтому при построении графиков (Рис. 2) мы оставили в выборке по Казахстану только мусульман для того, чтобы контролировать эффект, который христиане могли бы оказать на связь между возрастом и религиозностью, с одной стороны, и индексом «индивидуального выбора», с другой.

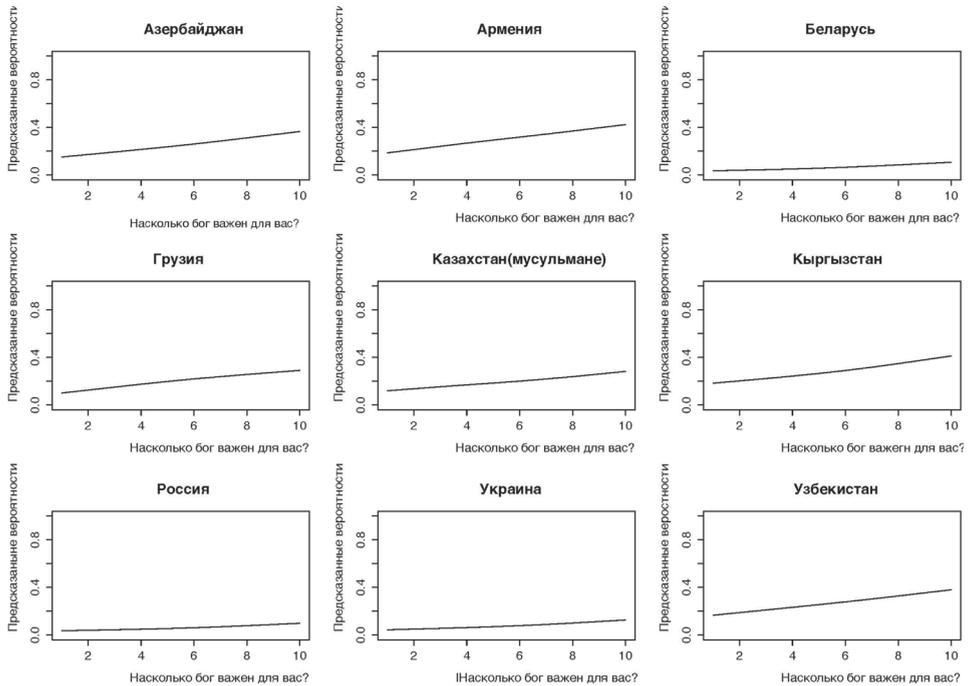

Рис. 3. Предсказанные вероятности консервативных взглядов по отношению к абортam, разводам и добрачному сексу в 9 постсоветских странах в зависимости от религиозности («Насколько Бог важен в вашей жизни?») (для логистической регрессии)

Вторая регрессия, включающая бинарные переменные по каждой стране, демонстрирует схожие эффекты, однако по некоторым переменным наблюдается нестабильность (см. табл. 4).

Что касается эффектов странового уровня, то в Беларуси, России и на Украине вероятность консервативных взглядов наименьшая, затем следует Казахстан. Значимо больше крайних консерваторов в Грузии и Узбекистане. Еще большая вероятность таких взглядов наблюдается в Кыргызстане, Азербайджане и Армении.

Армения, Азербайджан, Кыргызстан и Узбекистан демонстрируют сильную положительную связь между уровнем религиозности и консервативными установками по отношению к абортam, разводам и добрачному сексу. В Беларуси, России и Украине эта связь намного слабее, хотя также положительная. Регрессионная линия для Казахстана находится между двумя группами. Во второй группе, включающей Казахстан, общий уровень религиозности ниже, что, вероятно, приводит к меньшему влиянию религиозных предписаний на моральные суждения в этих обществах (см. рис. 3).

5.2.2. Гамма-регрессия

На втором этапе мы анализируем характеристики людей, которые считают хотя бы одну из вышеперечисленных практик допустимой в определенных

ситуациях. Мы исключаем из анализа всех индивидов, придерживающихся крайне консервативных взглядов, и строим регрессионную модель для гамма-распределения на оставшихся случаях (9527 вместо 12250 для бинарных логистических регрессий) (Mittlbock, Heinzl 2002) (см. Приложение, табл. 4).

Результаты регрессии свидетельствуют, что более либеральные взгляды на допустимость аборт, разводов и добрачного секса демонстрируют женщины, молодые люди и среднее поколение, имеющие образование выше школьного, со средним доходом (более бедные и самые состоятельные значимо консервативнее) и работающие полный день. Размер поселения положительно связан с либерализацией отношения к допустимости аборт, разводов и добрачного секса, а уровень религиозности — отрицательно. Разведенные и вдовствующие люди значимо менее консервативны, чем состоящие в браке.

Наиболее либеральным обществом по вопросу допустимости аборт, разводов и секса до брака (если исключить крайне консервативных респондентов) оказывается Россия. Несколько более консервативны Украина, Беларусь и Казахстан. Кыргызстан и Азербайджан имеют средний уровень (не)толерантности к упомянутым практикам. Еще менее допустимыми их считают в Армении и Узбекистане, а самым консервативным обществом в этом отношении оказывается Грузия.

6. Обсуждение

Ценности индивидуального выбора помогают зафиксировать глобальный ценностный сдвиг. Прервать нежелательную беременность, расстаться с нелюбимым супругом, быть свободным в сексуальной сфере вне зависимости от брачных обязательств — все эти возможности свидетельствуют о большей личной свободе, снижающемся давлении общества и о ценностной модернизации, как показывают исследования Инглхарта, Вельцеля и Норрис. Вопросы частной, интимной сферы в данном случае служат отражением более общих тенденций, а именно поддержки прав человека в целом, прав женщин в частности, и общей трансформации ценностей от консервативных к либеральным.

Мы наблюдаем факты, как подтверждающие, так и противоречащие теории модернизации. Это свидетельствует о том, что население, проживающее в странах бывшего Советского Союза, демонстрирует разные, часто противоположные взгляды. Как показывает проведенный анализ латентных классов, в Беларуси, Казахстане, России и Украине население гетерогенно в отношении к упомянутым практикам. В Армении, Азербайджане, Грузии, Кыргызстане и Узбекистане наблюдается большой общественный консенсус относительно допустимости аборт, разводов и добрачного секса. Эти практики по-прежнему осуждаются большинством населения.

Консервативный настрой большинства в части мусульманских стран, а именно, в Узбекистане и Кыргызстане, может быть связан с распространением радикальных версий ислама, ставших популярными в регионе после распада Советского Союза. Ислам ханбалитского мазхаба, преобладающий в странах Персидского залива, трактует отношения полов в патриархальном ключе, поэтому такое влияние, шедшее в первую очередь через молодежь, могло привести к ухудшению положения женщин.

Важным фактором, оказывающим влияние на различия по отношению к упомянутым практикам, может быть уровень экономического развития обществ. Индустриальный и секулярный Казахстан с исламским культурным наследием оказывается нормативно ближе к индустриальной и секулярной Беларуси с христианской культурой, чем к мусульманским, но аграрным Узбекистану и Кыргызстану. Здесь также стоит отметить, что частично этот эффект в Казахстане может быть связан со значительной этнической гетерогенностью страны. В частности, со времени освоения целины, особенно в Северном Казахстане, жило много русских и украинцев, а также потомков переселенных народов Советского Союза, что могло способствовать большей толерантности, в том числе и в интересующих нас вопросах.

Азербайджан, Армения и Грузия проходят экономическую и политическую модернизацию, однако это не находит отражения в нормах, связанных с семейным и сексуальным поведением. В Азербайджане нефтяной бум привел к значительному экономическому росту, увеличилось число людей в городах, многие молодые люди, как юноши, так и девушки, получают высшее образование. В Грузии успешно развивается электоральная демократия, проводятся реформы. В Армении, несмотря на относительную бедность, также происходят значительные изменения. Следует также отметить, что еще в советское время в этих республиках был высокий уровень образования и сравнительно низкая рождаемость, что обычно связано с массовым выходом женщин на рынок труда, а значит, и с либерализацией гендерных представлений. Однако, как мы видим, в странах региона, особенно в Армении и Грузии, норма патриархальной семьи и особенно добрачной девственности приобрела необычайную значимость.

Что касается эффекта возраста, то мы обнаружили, что пожилые и молодые люди в постсоветских обществах демонстрируют более нетерпимое отношение к абортам, разводам и добрачному сексу, чем люди среднего возраста. Мы объясняем этот эффект следующим образом: вероятно, консервативные взгляды пожилых людей отражают жесткие моральные нормы, принятые во времена их молодости, когда сформировались их взгляды (Schuman, Scott 1989). Люди среднего возраста, чей формативный период пришелся на время советской модернизации, связанной с риторикой эгалитаризма и антирелигиозности, демонстрируют большую толерантность к этим практикам. Взгляды молодого поколения, если следовать этой логике, отражают архаизацию ценностей на фоне усиливающегося консервативного поворота, связанного с идеологическим вакуумом после распада Советского Союза. Подобную тенденцию авторы также наблюдали в арабских странах (Kostenko, Kuzmichev, Ponarin 2016).

Этот феномен можно объяснить в рамках теории Айзенштадта, который показывает, что модернизация может принимать разные формы, в том числе давать эффект «консервативного поворота», особенно среди молодых и образованных людей. Одной из версий может быть идеологическая борьба против советского прошлого, связанного в бывших советских республиках с доминированием русских. Эта гегемония выражалась не только в политическом и экономическом контроле, но и в ценностных ориентациях, которые навязывались

через элиты, воспитанные в российской системе высшего образования и впитавшие практики светской жизни. Создание новой государственности и национальной идентичности нередко связано с «возвращением к истокам», т. е. с поиском «исконной» религиозности, конструированием псевдотрадиционных повседневных практик, а также с артикуляцией правильности патриархального разделения сфер мужского и женского.

Наше исследование показывает, что принадлежность к мусульманской культуре не является принципиальным фактором, отличающим более и менее консервативные общества по интересующим нас вопросам. Так, в Казахстане, где большинство населения исповедует ислам, практики аборт, разводов и добрачных связей осуждаются значительно меньше, чем в христианских и более религиозных Армении и Грузии, где фиксируется нетерпимое отношение к этим вопросам, особенно к добрачному сексу. Таким образом, представляется, что доминирующая религия в стране оказывает меньшее влияние на отношение к абортам, разводам и добрачному сексу, чем уровень религиозности.

Литература

- Абашин С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа / практики, *Ab Imperio*, 2011, 2011, 3: 193–210.
- Айвазова С.Г. *Русские женщины в лабиринте равноправия*. М.: РИК Русанова, 1998.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Государственное конструирование гендера в советском обществе, *Журнал исследований социальной политики*, 2003, 1(3/4): 299–323.
- Кон И. *Сексуальная культура в России: клубничка на березке*. М.: ОГИ, 1997.
- Микаэлян Г. Армянская апостольская церковь и общество в современной Армении, *Большой Кавказ двадцать лет спустя*. М.: НЛО, 2014.
- Римашевская Н.М. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России, *Социальные последствия рыночных реформ в России*. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1997.
- Темкина А. Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан), *Гендер. Традиции и современность*, Сб. статей по гендерным исследованиям. М.: РОССПЭН, 2005: 6–92.
- Темкина А. Добрачная девственность: культурный код гендерного порядка в современной Армении (на примере Еревана), *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 2010, 1: 129–159.
- Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России, *Социологические исследования*, 2002, 11: 4–14.
- Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы*. М.: РОССПЭН, 2008.
- Халид А. *Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии*. М.: НЛО, 2010.
- Чуйкина С. Быт неотделим от политики: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов, *В поисках сексуальности*, под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин. 2002. С. 99–127.
- Alexander A., Inglehart R., Welzel C. Emancipating Sexuality: Breakthroughs into a Bulwark of Tradition, *Social Indicators Research*, 2015: 1–27. DOI: 10.1007/s11205-015-1137-9.

Alexander A., Welzel C. Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values?, *International Review of Sociology*, 2011, 21(2): 249–276.

Cooke M. Women, religion, and the postcolonial Arab world, *Cultural Critique*, 2000, 45: 150–184.

Eisenstadt S. Multiple modernities, *Daedalus*, 2000, 129(1): 1–29.

Fortin N. Gender role attitudes and the labour market outcomes of women across OECD countries, *Oxford Review of Economic Policy*, 2005, 21(3): 416–438.

Gelman A., Hill J. *Data analysis using regression and multilevel/hierarchical models*. Cambridge University Press, 2006.

Greenfeld L. *Five Roads to Nationalism*. John Wiley & Sons, Ltd, 1992.

Hagenaars J., McCutcheon A.(ed.). *Applied latent class analysis*. Cambridge University Press, 2002.

Heyat F. New Veiling in Azerbaijan Gender and Globalized Islam, *European Journal of Women's Studies*, 2008, 15(4): 361–376.

Heyat F. Re-Islamisation in Kyrgyzstan: gender, new poverty and the moral dimension 1, *Central Asian Survey*, 2004, 23(3–4): 275–287.

Inglehart R. *Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1997.

Inglehart R., Norris P. *Rising tide: Gender equality and cultural change around the world*. Cambridge University Press, 2003.

Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence*. Cambridge University Press, 2005.

Keller S. Trapped between state and society: women's liberation and Islam in Soviet Uzbekistan, 1926–1941, *Journal of Women's History*, 1998, 10(1): 20–44.

Kostenko, V., Kuzmichev P., Ponarin E. Attitudes towards Gender Equality and Perception of Democracy in the Arab World, *Democratization*, 2016, 23(5): 862–891.

Linzer D., Lewis J. PoLCA: An R package for polytomous variable latent class analysis, *Journal of Statistical Software*, 2011, 42(10): 1–29.

Mahon R., Williams F. Gender and State in Post-communist Societies: Introduction, *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 2007, 14(3): 281–283.

Massell G. *The surrogate proletariat: Moslem women and revolutionary strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Princeton University Press, [1974] 2015.

Mittlböck M., Heinzl H. Measures of explained variation in gamma regression models, *Communications in Statistics-Simulation and Computation*, 2002, 31(1): 61–73.

Moghadam V. Gender, national identity and citizenship: reflections on the Middle East and North Africa, *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 1999, 19(1): 137–157.

Moghadam V. Women, Structure, and Agency in the Middle East, *Feminist Formations*, 2010, 22(3): 1–9.

Naskidashvili M. How Does Gender Determine Roles and Behaviors of Women in and Outside of Georgian Families, *Caucasus Research Resource Centers*. Tbilisi, 2011.

Norris P., Inglehart R. *Sacred and secular: Religion and politics worldwide*. Cambridge University Press, 2011.

Nylund K., Asparouhov T., Muthén B. Deciding on the number of classes in latent class analysis and growth mixture modeling: A Monte Carlo simulation study, *Structural equation modeling*, 2007, 14(4): 535–569.

Olcott M. Soviet Islam and world revolution, *World Politics*, 1982, 34(4): 487–504.

Olsen M., Schafer J. A two-part random-effects model for semicontinuous longitudinal data, *Journal of the American Statistical Association*, 2001, 96(454): 730–745.

Piatrukovich V. Limitations of Research into Gender Inequalities in Belarus, *Anti-Gender Movements on the Rise? Strategising for Gender Equality in Central and Eastern Europe*, 2015, 38: 82–85.

Ro'i Y. The Soviet and Russian context of the development of nationalism in Soviet Central Asia, *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1991, 32(1): 123–141.

Ross M. Oil, Islam, and women, *American Political Science Review*, 2008, 102(1): 107–123.

Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. Who helps the degraded housewife? Comments on Vladimir Putin's demographic speech, *European Journal of Women's Studies*, 2007, 14(4): 349–357.

Schuman H., Scott J. Generations and collective memories, *American sociological review*, 1989, 54(3): 359–381.

Spierings N., Smits J., Verloo M. On the compatibility of Islam and gender equality, *Social Indicators Research*, 2009, 90(3): 503–522.

Spierings N., Smits J., Verloo M. Micro- and Macrolevel Determinants of Women's Employment in Six Arab Countries, *Journal of Marriage and Family*, 2010, 72(5): 1391–1407.

Steel G., Kabashima I. Cross-regional support for gender equality, *International Political Science Review*, 2008, 29(2): 133–156.

Welzel C. *Freedom rising*. Cambridge University Press, 2013.

Young K. Modes of appropriation and the sexual division of labour: a case study from Oaxaca, Mexico, in: Kuhn A., Wolpe A.-M. (eds.), *Feminism and Materialism (RLE Feminist Theory): Women and Modes of Production*. London: Routledge and Kegan Paul, 2013: 124–154.

Таблица 1

Сравнительные характеристики стран в выборке

Страна	ВВП д.н.	Основные религии	Использование контрацепции	Рождаемость	% абортот от числа рождений (официально)	Среднее значение зависимой переменной (допустимость абортов, разводов брачного секса)	Средний уровень религиозности (Станд. откл.)
Армения	\$ 3 900	Армянская Апостольская 92,6% Евангелисты 1% другие 2,4%	54,9%	1,64	23,5%	2,49 (1,66)	8,49 (2,13)
Азербайджан	\$ 7 900	Мусульмане 93,4% Православные 2,5% Армянская Апост. 2,3%	51,1%	1,91	13,9%	2,65 (1,76)	9,76 (0,93)
Белоруссия	\$ 8 000	Православные 80% Другие (Католики, Протестанты, Иудеи, и Мусульмане) 20%	72,6%	1,47	20,9%	4,99 (2,18)	6,51 (2,71)
Грузия	\$ 3 700	Православные 83,9% Мусульмане 9,9% Армяно-грегоряне 3,9%	53,4%	1,76	35,6%	2,57 (1,52)	9,17 (1,61)
Казахстан	\$ 12 600	Мусульмане 70,2% Православные 26,2%	51%	2,34	20,1%	4,30 (2,42)	7,27 (2,48)
Кыргызстан	\$ 1 300	Мусульмане 75% Православные 20% другие 5%	47,8%	2,68	8,5%	2,63 (1,92)	8,33 (2,29)
Россия	\$ 12 700	Православные 15-20% Мусульмане 10-15% Христиане др. конфессий 2%	79,5%	1,61	31,6%	5,44 (2,35)	6,68 (2,75)
Узбекистан	\$ 2 000	Мусульмане 88% (преим. сунниты) Православные 9%	64,9%	1,8	5,4%	2,49 (1,85)	8,92 (1,78)
Украина	\$ 3 100	Православные 60-65% (Моск. и Киевская Патриархии) Греко-католики 8-10% другие 1-2%	66,7%	1,3	22,7%	4,86 (2,32)	7,18 (2,72)

ВВП — Данные Всемирного банка за 2014 в долларах США <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.RSAR.SD>; Данные О религиях, рождаемости и контрацепции — The World Factbook 2014; Данные по абортот — demoscope.ru; Средние значения зависимой переменной и религиозности вычислены авторами по данным 6 волн "Всемирного исследования ценностей".

Процентное соотношение латентных классов крайних консерваторов, умеренных и либералов по вопросам о допустимости абортов, разводов и добрачного секса в девяти странах постсоветского пространства

Страна	Крайние консерваторы	Умеренные	Либералы
Азербайджан	47%	53%	-
Армения	56%	44%	-
Беларусь	19%	47%	34%
Грузия	53%	47%	-
Казахстан	28%	46%	26%
Казахстан (мусульмане)	35%	65%	-
Кыргызстан	52%	48%	-
Россия	20%	49%	31%
Узбекистан	60%	40%	-
Украина	16%	53%	31%

Результаты бинарных логистических регрессий

Зависимая переменная:

	Индекс индивидуального выбора с кластер, ст.ошибками с бинарными для стран	
Пол (женский)	0.219*** (0.066)	0.143*** (0.053)
Возраст	-6.367 (6.364)	-8.844** (4.476)
Возраст ²	-12.028*** (4.325)	-11.696*** (3.290)
Образование: Среднее	<i>опорная категория</i>	
Образование: ПТУ, колледж	0.193** (0.076)	0.0417 (0.066)
Образование: Высшее	0.312** (0.135)	0.251*** (0.078)
Доход	-6.367 (6.364)	-0.549 (2.835)
Доход ²	-12.028*** (4.325)	-11.397*** (2.440)
На рынке труда: Полная занятость	<i>опорная категория</i>	
На рынке труда: Част. занятость	-0.153 (0.122)	-0.044 (0.084)
На рынке труда: Безработный	-0.370** (0.174)	-0.099 (0.079)
На рынке труда: Пенсионер	0.055 (0.092)	-0.096 (0.099)
На рынке труда: Домохозяйка	-0.323** (0.140)	-0.050 (0.079)
На рынке труда: Студент	0.156 (0.202)	0.287** (0.134)
Размер поселения	0.086*** (0.029)	0.077*** (0.009)
Религиозность (как важен Бог)	-0.198*** (0.036)	-0.117*** (0.012)
Число детей	-0.139*** (0.034)	-0.005 (0.020)
Семейное положение: В браке	<i>опорная категория</i>	
Семейное положение: В разводе	0.716*** (0.151)	0.546*** (0.119)
Семейное положение: Вдовы	-0.019 (0.120)	-0.051 (0.089)
Семейное положение: Одинокие	-0.117 (0.099)	0.022 (0.086)
Армения		-1.852*** (0.119)
Азербайджан		-1.726*** (0.122)
Белоруссия		-0.075 (0.138)
Грузия		-1.265*** (0.121)
Казахстан		-1.030*** (0.118)
Кыргызстан		-1.724*** (0.117)
Украина		-0.175 (0.130)
Узбекистан		-1.579*** (0.120)
Россия		<i>опорная категория</i>
Число наблюдений	12,250	12,250
R ²	0.121	
Log Likelihood		-5,679.776
Инф. критерий Акаике		11,413.550
χ ²	1,012.273*** (df = 18)	

Примечание:

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Результаты гамма — регрессий

	Зависимая переменная:	
	Индекс индивидуального выбора	
	с кластер. ст. ошибками	с бинарными для стран
Пол (женский)	0.058*** (0.010)	0.029*** (0.010)
Возраст	-0.193 (0.480)	-3.398*** (0.698)
Возраст2	0.871* (0.456)	-1.307** (0.553)
Образование: Среднее	<i>опорная категория</i>	
Образование: ПТУ, колледж	0.100*** (0.015)	0.030** (0.014)
Образование: Высшее	0.080*** (0.016)	0.051** (0.016)
Доход	-0.193 (0.480)	1.253*** (0.472)
Доход2	0.871* (0.456)	1.799*** (0.427)
На рынке труда: Полная занятость	<i>опорная категория</i>	
На рынке труда: Част. занятость	-0.053*** (0.016)	-0.012 (0.016)
На рынке труда: Безработный	-0.200*** (0.018)	-0.044*** (0.017)
На рынке труда: Пенсионер	-0.017 (0.019)	-0.039** (0.018)
На рынке труда: Домохозяйка	-0.148*** (0.017)	-0.022 (0.016)
На рынке труда: Студент	-0.108*** (0.025)	-0.034 (0.024)
Размер поселения	0.019*** (0.002)	0.019*** (0.002)
Религиозность (как важен Бог)	-0.038*** (0.002)	-0.013** (0.002)
Семейное положение: В браке	<i>опорная категория</i>	
Семейное положение: В разводе	0.174*** (0.017)	0.113*** (0.015)
Семейное положение: Вдовы	0.039** (0.018)	0.030* (0.017)
Семейное положение: Одинокие	0.029* (0.016)	0.018 (0.015)
Армения		-0.480*** (0.021)
Азербайджан		-0.440*** (0.021)
Белоруссия		-0.099*** (0.015)
Грузия		-0.553*** (0.019)
Казахстан		-0.140*** (0.016)
Кыргызстан		-0.445*** (0.018)
Украина		-0.072*** (0.016)
Узбекистан		-0.508*** (0.019)
Россия		<i>опорная категория</i>
Число наблюдений	9,527	9,527
Log Likelihood	-19,631.170	-18,817.370
Инф. критерий Акаике	39,298.340	37,686.730

Примечание:

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01